

-- В. Н. Майков

-- Сочинение князя В. Ф. Одоевского

Собрание сочинений князя В. Ф. Одоевского, бесспорно, составляет замечательнейшее явление в русской литературе 1844 года. Одна оригинальность взгляда автора уже обращает на себя особенное, серьезное внимание критики; но она же вызывает несколько вопросов, которые мы должны решить, прежде чем представим читателям свое мнение об этом капитальном приобретении для искусства.

Прочтя сплошь, от доски до доски, все три части сочинения князя В. Ф. Одоевского, вы невольно задумаетесь над этим собранием повестей, мистических рассказов, древних и новых преданий, над отрывками из пестрых сказок, над домашними разговорами... Повторяем, задумаетесь невольно, если любите отдавать себе отчет в том, что прочли. Вы спросите, к чему ведут мистические рассуждения, наполняющие всю первую часть, и какая связь между этими рассуждениями автора и превосходными повестями, разбросанными во второй и третьей части. Вы спросите, что доказал автор в первой части и что он представил в последних.

Нам кажется, что сочинение князя Одоевского логически можно разделить на два отдела: на отдел мистики, к которому принадлежат почти все рассказы автора, названные *"Русскими ночами"* и занимающие всю первую часть, и на отдел новостей, имеющих бесспорное литературное достоинство и чуждых мистицизму. Поэтому прежде всего считаем обязанностью рассмотреть сущность мистицизма, возможность или невозможность его как системы познания и потом применять свой взгляд к разбираемому нами сочинению.

Человек, по своей духовной природе, полон сил разнородных. Как мыслящее существо, он пытается природу и человека, доискивается причин того, что видит, слышит, обоняет, осязает. Он разлагает природу химически, режет ее как хирург, анализирует как моралист и не дает ей пощады там, где она вздумает бросить камень преткновения гордому уму, могучему сознанием своего собственного достоинства. В этом направлении ум терзает природу... благородно, потому что проникает материю духом, дает ей жизнь разумную. Ум доволен и самим собою и тем, что он исследует; но доволен только до тех пор, пока ему удастся заманчивая деятельность.

Человек, как существо чувствующее и одаренное воображением, то трепещет от восторга, то страдает, то полон энергии, то бессмысленно предан апатии, то готов обнять ближнего как брата, то рад оттолкнуть его как смертельного врага. А воображение -- оно не молчит, смотря на преобладание чувств в человеке; оно то одевает мир радужным сиянием, то набрасывает на него темное покрывало. Было время, когда люди в таинственном шуме лесов слышали сладкие беседы и игры вечно юных дриад и неуклюжих сластолюбцев фавнов; пришло время, когда люди в стоне лесном разумеют одно течение воздуха, более или менее сильное, производящее движение ветвей. Было время, когда духи неба и земли запросто расхаживали по городам и деревням, как будто им в самом деле было там место. По ней странствовали боги и полубоги, сильфиды и саламандры, ведьмы и вампиры, словом, кто ни расхаживал по суше и морям, где теперь спокойно ходят пароходы и паровозы... И так человек мыслит, чувствует и создает себе образы и картины... Но где же мистицизм? -- Позвольте, будет и ему место.

Чувство и мысль, чувство и воображение -- вот главные пружины наших дум и мечтаний. Чем начинается человек свою жизнь? Что прежде он видит в мире -- картину или загадку? Натурально первое. Человек, не рассуждая, привыкает ко всему окружающему, бессознательно живет наравне с природою, радуется солнечному свету и боится темноты, недоволен, когда его заставляют думать, и рад, когда найдут пищу воображению. И много времени проходит, пока мысль спит под баюканьем чувств и воображения, под напевами няни и рассказами старины. Для иных проходит вся жизнь, а мысль все крепко спит, и ничто ее не пробуждает. Но так сладко спится не всем, не всем даны в удел одни грезы да игрушки. Человек, возмужав, когда-то спросил себя: отчего? -- и, задав себе вопрос, решал его в продолжении всей жизни и никак не мог решить; за одним вопросом следовал другой. С тех пор задача дробится, разветвляется, охватывает сетью весь мир, и мысль, пораженная собственным величием и немощью, рвется в этой сети, в иных местах прорывает ее, в других запутывается и изнемогает... Борьбу, начатую одним человеком, продолжает целое человечество; неистово рвет оно цепь, оковавшую гордость земную, и детски радуется малейшему успеху.

Таков ход человечества на пути просвещения. Прежде всего оно начинает чувствовать и представлять, а потом уже мыслить. В первый период, период чувств и воображения, народ живет, не смущая хитросплетениями ума бойко играющую жизнь чувства и фантазии. Он чувствует сладость или горесть жизни, верит, что благородство должно быть мерилом действий человека, не спрашивая, почему именно следует верить, что дух на земле -- только странник, что ему дана другая светлая обитель, куда он перенесется, когда сбросит временную оболочку. Сердце бьется в упоении, созерцая величие Бога в природе, воображение теряется в беспредельности миров, создает в лесах обиталище духов; видя